

...Все фильмы Михалкова-режиссера — о любви. О любви тонкой, переменчивой, неудачной, но всегда — настоящей.

Многие герои Михалкова-актера — это уставшие от внимания женщин циники, сочные бабники, сыто-расслабленные коты...

Между тем в ответ на вопрос, заданный на творческой встрече во Владивостоке: «Это что, разница между взглядом художника и человека?» — Никита Сергеевич только хмыкнул и пожал плечами.

Никита МИХАЛКОВ:

Я не люблю, когда по людям стреляют из пушек

Уж очень не любит вторжения в личную жизнь. И Михалков-режиссер вместе с Михалковым-актером надежно прячут от нас Михалкова-человека. Может быть, поэтому, когда я предложила в наше смутное, разрушительное время побеседовать о любви и верности, он был категоричен:

— Об этом я разговаривать не буду. Такие милые философские понятия... Сейчас не до того.

— Но ведь только что на творческой встрече вы утверждали, что именно любовь должна спасти Россию...

— Я говорил, что нельзя строить отношения на нелюбви. Многие демократы не понимают: не любить большевиков — еще не значит любить Россию. И собирают команду по принципу: ты против них? Значит, с нами! Это утопия. Ненависть не может объединять. Мы и фашистов победили не потому, что их ненавидели, а потому, что Родину любили. Сегодня тоже такое время, когда нужно бороться не «против», а «за».

— За что?

— За национальную идею.

— Но за нее вроде уже Жириновский борется...

— Жириновский — миф. Проголосовав за него, наш народ просто еще раз доказал свою фольклорность. Встал утром в день выборов, дернул сто грамм, закурил огурчиком и усмехнулся в лицо властям: мол, вы с нами так? А мы вам вот такого подбросим... Как только придет нормальный человек с идеей не разделения на белых, красных, полосатых, а всеобщего объединения, я уверен, тот же народ проголосует за него.

— А сами-то вы за кого: за белых или за красных? Многие считают, что — за красных, раз вы утверждаете, что, оказавшись вы во время штурма «Белого дома» в Москве, обязательно стали бы в ряды его защитников...

— О том, что я был бы в «Белом доме», я сказал недавно и Борису Николаевичу Ельцину, с которым встречался как председатель Российского фонда культуры. Но, конечно, я пришел бы туда не поддерживать Апполова и Макашова. И коммунистом я не был никогда. Просто Александр Руцкой мой друг, и по древним мужским законам я должен был находиться рядом с ним. И вообще я не люблю, когда по людям стреляют из пушек, создавая при этом полную безнаказанность.

А что касается убеждений... Я не пою в хоре, не подписываю коллективных писем и не участвую в шумных кампаниях. Я не верю тем, кто засыпал красным, а просыпался трехцветным. И тем, кто уверяет, что наша история началась в 1991 году. В 1917-м мы все это уже проходили...

— Многие считают вас русофилом...

— Да, я патриот своей страны. И считаю, что нам не нужно передирать американскую демократию или

голландский капитализм. Все равно не привьются. Нам вообще не нужно придумывать ничего нового, нужно только отмыть старое. Я вот вошел в движение земства.

— А как вы относитесь к вере?

— Я верующий человек. Хожу в церковь в Брюсовском переулке и в маленькую церковь в деревне Аксимино. Ее разрушили много лет назад, сейчас вернули людям, и уже через три дня там шла служба, хотя в куполе зияла огромная дыра. Вообще если задаться вопросом, почему в России все так произошло, то корневые причины будут в безбожии.

— А семья?

— Разрушение государства начинается с разрушения семьи.

— Но ваша семья, насколько знаю, свои корни сохранила.

— Да, мой предок приходился троюродным братом первому Романову. Недавно знакомый историк сообщил мне, что двое моих прапрадедов участвовали в Куликовской битве. И оба, между прочим, выжили.

Одна только семейная переписка сохранилась у нас за 300 лет...

— Ваши дети пошли по вашим кинематографическим стопам без всякого вашего участия?

— У меня четверо детей, двое из них поступали во ВГИК. Я им тогда сказал: «Про вас всегда будут говорить, что все, чего вы добились, это благодаря отцу. Мне говорили то же самое. Но в глубине души вы должны быть уверены, что ваши успехи — ваша заслуга». И никогда детям в их профессиональных продвижениях не помогал.

— А есть ли у вас идейные или творческие разногласия с братом, убежденным «западником»?

— Разногласий нет. В кино хва-

Мне нравится, как работает студия, которую старший, Степан, создал вместе с Федей Бондарчуком и сыном Олега Табакова. Они делают хорошие клипы и зарабатывают приличные деньги. Сейчас решили снимать настоящее кино. Про себя я думаю: «Но это же совсем другое. И требует иного терпения и сосредоточенности. Но не вмешиваюсь».

тит места всем, просто мы выбрали разные пути. Как сказал Островский: «Кто-то любит арбуз, а кто-то — свиной хрюк».

А брату я очень благодарен. И в первую очередь за то, что он не стал делать из меня похожего на себя.

Я создал творческо-производственное объединение «ТРИ ТЭ» — по аббревиатуре трех русских слов «творчество, товарищество, труд». И мы будем сами прокатывать свои фильмы. Сделаем всего пять-шесть копий. Организуем по России сеть своих кинотеатров. И несколько человек станут возить по ним фильмы, показывая их столько, сколько нужно, чтобы посмотрели все желающие.

— А не боитесь прогореть? Народ так привык к боевикам, что вряд ли ленты наподобие «Урга»

дадут прибыль...

— Прибыль можно делать на другом. «Урга» для меня — просто начало новой дороги. До нее я как бы создавал на экране свой мир. Мы с актерами три месяца репетировали, а потом очень быстро снимали, зная все заранее до мельчайших подробностей.

А здесь нужно было попытаться загнать жизнь в рамки нашего сюжета. Но мы предпочли лечь на дно и наблюдать, вращаясь в увиденное. Я называю это вертикальным постижением жизни. Поэтому сценарий,

Ромс. правда. — 1994. — 4-7 марта (№ 38). — с. 7.

что-то, что знаешь только ты...

— По-моему, «Урга», завоевавшая на Западе все мыслимые призы, стала и первой вашей картиной, получившей отечественную «Нику» за лучший фильм...

— Приз «Ника» я не считаю за награду. Эта церемония не имеет никакого отношения к серьезному, честному кинематографу. Обыкновенный тенденциозный междоусобищник, великосветская тусовка для своих.

Могут посчитать, что мной движет обиды: мы выставили «Ургу» по

восемь-девять минут. Вообще это такая мелодрама в стиле сентиментального танго. 1936 год, смесь любовного треугольника и легкого боевика. Я вместе со своей шестилетней дочкой играю одну из ролей. Думаю, женщины на картине поплачут — сценарий, как и в «Урге», мы писали вместе с Рустамом Ибрагимбековым.

Только что я закончил монтаж фильма «Анна от 6 до 18», над которым работал 13 лет. Каждый год я задавал дочери одни и те же пять вопросов: что ты любишь, чего боишься, что ненавидишь... Сейчас в промежутке между ответами я вмон-

который мы писали с Рустамом Ибрагимбековым, рос вместе с ростом наших ощущений от увиденного.

Наверное, двести семьдесят лет татаро-монгольского ига все же оказали на меня влияние. Потому что стали происходить странные вещи: я

пяти номинациям, а приз получили по одной. Но дело не в обиде, «Урга» названа лучшим фильмом Европы 1993 года, и видит Бог, мне этого достаточно. Я вообще не хотел участвовать в этой кампании, но уговорили друзья. И пришлось убедиться на своем опыте, что в «Нике» все несерьезно, похоже на школьную стенгазету. Все для своих и про своих.

Через моего друга Рустама Ибрагимбекова организаторы попросили меня взять на церемонию Гостюхина — ему будут вручать приз за лучшую мужскую роль. Я звоню Гостюхину, тот лежит с температурой. Прихожу без него — а приз вручают другому актеру. Организаторам, что, было все равно, кого награждать? А если бы больной Гостюхин все же пришел? В общем, моего имени там не будет больше никогда! Когда же в интервью для «Кинопанорамы» я сказал об этом Виктору Мережко, то уже, когда говорил, был уверен, что в передаче он это не вставит. Он решил проще: вообще вырезал мое интервью.

— А новые ваши фильмы сделаны в той же манере, что и «Урга»?

— Нет, это другое. Я недавно закончил съемки картины «Утомленное солнце». И понял, что качество фильма определяет то, насколько долго можно с интересом смотреть общий план. Меня, например, интересуют не слезы, а как они рождаются. Ведь можно просто накапать на лицо глицерин... В «Утомленном солнце» есть куски без монтажа по

тировал кадры о том, что происходило в это время в стране. И сам не ожидал, что получится такой документ.

Еще одна картина — «Вспоминая Чехова» по прекрасному сценарию так рано, к сожалению, ушедшего от нас Владимира Лакшина. В годовщину смерти Антона Павловича четьре человека в «Славянском базаре» вспоминают его каждый по-своему, стараясь присвоить его память. Как говорится, «люблю его, а плачу о себе».

А впереди у меня «Грибоедов». Надеюсь, фильм восстановит историческую справедливость. Дело в том, что, готовясь к съемкам, мы перелопатили в музеях 650 единиц хранения, узнали о встрече Грибоедова и Николая I, о которой никто никогда не писал, нашли документы, что Нессельроде был английским шпионом. И пришли к выводу, что Грибоедова убила не разъяренная толпа мусульман. Было совершено подготовленное английской разведкой политическое убийство.

— Мы снова вернулись к политике. Вы не хотите быть ни белым, ни красным. А в чем, если не секрет, вы видите будущее России?

— В просвещенном консерватизме и терпимости к чужим взглядам. Недаром говорили, что Россию охраняют «Вера, Надежда, Любовь и мать их Софья», то есть мудрость.

Беседу вела
Наталья БАРАБАШ.

1990
Mikhailov N. N. 1990

4.03.94